

Павел Павлович СЕРДЮК,

д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Национальной академии прокуратуры Украины

СТАНДАРТЫ Ч. БЕККАРИА — БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТЬЕ?

Призыв выделить, выявить, узнать истинное значение и удельный вес влияния законов на общественную жизнь тем более символично звучит на фоне одного из удивительных фактов, произошедших в научной деятельности Ч. Беккариа. Учёный впервые выделил клейковину или глютен из муки. Конечно же, не он выявил аллергию на глютен у 6 % человечества. Но это все равно весьма знаково, что из глубины 250 лет сама жизнь и деятельность Ч. Беккариа вызывает к нам, что следует действовать, что необходимо отринуть умозрительные масштабы уголовно-правовой доктрины. Найти, переосмыслить всё то, что, по сути, повторяет противоречия, допущенные Ч. Беккариа, и то, что прямо идет в разрез с его порой неподъемными стандартами.

Если взять то количество законов, которыми пользуется человечество, то их напечатанными текстами можно было бы утопить кампус среднего европейского университета до маковки часовни. При таком отношении к роли законов и права в социальной жизни, которое обращается к нам из прошлого, можно было бы снизить к такому, казалось бы, парадоксальному вопросу, а что оно, право, в действительности может? Что может уголовное право? Почему его доктрина то и дело наталкивается на этот вопрос, но ничего, кроме умозрительных предположений о его эффективности, так и не всплыло? В этой проблеме видится огромный потенциал, но и одновременно огромная трудность. Чего бы стоили криминологические исследования, которые, среди прочих, предлагают нормативные средства воздействия на преступность? Они бы действительно получили ощутимую ценность, либо высокую, либо низкую, либо умеренную? Но вместо этого и по сей день устоявшейся догмой уголовно-правовой доктрины звучат слова Ч. Беккариа: «Чем больше лиц, понимающих священное Уложение законов и хранящих его у себя, тем меньше будет преступлений: незнание и не точное представление о наказаниях, вне сомнения, усиливают красноречие страстей» [1, с. 213—214].

Современность может дать нам картину, которая мало изменилась со времен Ч. Беккариа. Всё так же содержание уголовных законов знают преимущественно профессионалы, включая профессии-

ональных преступников, да и то в границах «специализации». Вряд ли доступность этой информации повлияла на осведомленность. Сработала старая добрая лень, которая является эволюционно необходимой для выживания. Но люди, как и раньше, руководствуются понятными каждому реципроктными стандартами отношений, которые не в меньшей мере характерны другим видам животных, особенно высоко социально организованным. У них нет сводов законов, но их социальные отношения довольно сложны. Не такие сложные отношения, как у людей, но только несведущий обыватель усомнится в том, что они достаточно сложные, чтобы подчиняться определенным стандартам поведения, имеющих генотипическую и фенотипическую природу. Таким образом, существует реальная потребность в том, чтобы отличить реальное воздействие или удельный вес воздействия уголовного права на поведение людей, и воздействие других факторов, а именно этих древних реципроктных стандартов отношений внутри вида, которые в целом умещаются в хорошо известный нам «золотой императив». Но как это сделать, учитывая понимание того, что роль права, и уголовного в частности, в общественной жизни преувеличивается, а древних биологических стандартов приуменьшается?

Закономерности герменевтики дают нам возможность понять, что уголовные законы могут толковаться весьма и весьма обширно. По правилам комбинаторики можно приблизительно подсчитать, сколько вариантов толкования может иметь лишь часть гипотезы одной уголовно-правовой нормы. Её можно определить по такой формуле (1):

$$\bar{A}(n, k) = \bar{A} \frac{k}{n} = n^k, \quad (1)$$

где $\bar{A}$ — комбинаторное размещение, n — множественность элементов, k — различные элементы. Например, возьмем ч. 1 ст. 263 УК Украины. В ней, с точки зрения уголовно-правовой доктрины, множественность элементов составляет — 5, а различные элементы — 4. В итоге получаем 625 вариантов комбинаторики. Это более простой пример, в котором сложности могут заключаться в истолковании содержания действий и видов предметов. Но они, насыщаясь оценочными характеристиками и противоречиями регулятивного права, могут порождать чудовищное количество вариантов толкования, особенно, если они приправлены желанием толкователя истолковать ситуацию в выгодном для себя свете. Результаты отдельных исследований по герменевтике текстов говорят нам о 130 вариантах толкований и больше одного и того же текста. Так что мечта-

тельное ожидание, повествуемое нам самим Ч. Беккариа, о простых и всем понятным законах — желанные грёзы, которые расходятся с действительностью. И очевидно, этот вопрос для человечества так же неподъемен, как например, способности человечества контролировать свою численность.

Совершенно очевидно, что множество вариантов толкований закона порождаются разностью толкователей. У всех из них разный жизненный опыт, разные предпочтения. Но самое главное, что у них разные задатки в толковании. Например, И.В. фон Гёте, после знакомства с теорией И. Ньютона, сказал, что ньютонов анализ цветовой гаммы радуги является издевательством над природой [2, с. 527]. Просто такой обескураживающий вывод И. Ньютона поразил опыт немецкого мыслителя, который при этом пользовался автоматическим восприятием нового для его мозга. Разумеется, что его толкование этой части действительности радикально отличалось. Существует ничем не преодолимая индивидуальная изменчивость цитоархитектонических полей и подполей головного мозга. Их разница у разных людей может быть представлена в десятки раз, а это означает, что нет никаких равных возможностей в познании и видении. У одних исследователей развиты поля мозга, которые в большей степени располагают успехи в зрительном и сенсорном восприятии информации, а у других больше развиты аналитические поля и подполя мозга. Эта индивидуальная изменчивость мозга вторично порождает нелепые личностные, конфессиональные и межгосударственные конфликты [3, с. 89]. Не последними выступают и конфликты в толковании законов или того, что является правом.

Разумеется, что уголовно-правовая доктрина демонстрирует многочисленные примеры, если не единства, то типичных взглядов и правил, которые существуют благодаря влиянию убедительности, авторитетов, нежеланию вступать в прения с представителями вида *homo doctrinalis*, и прочее. Но самое главное, тут очевидно влияние ряда теорий по закономерностям психологических мемов. Срабатывает вполне естественная закономерность. Мозг человека стал функционировать по законам, которые максимально экономят его энергию. Теперь привычное, как проверенное и условно не опасное, становится на первое место, функционируя по схеме «эмоции — рассудок». То, что называется мотивированным суждением, своеобразный неврологический якорь, каждого, включая исследователей, понуждает выбирать, прежде всего, то, что им уже знакомо. Соответствующее количество опытов в этой сфере только подтверждает инерционность человеческого мышления. Совершенно справед-

ливо вспомнить об утверждении выдающегося немецкого физика М. Планка — не следует думать, что новые идеи побеждают путем острых дискуссий, в которых создатели нового переубеждают своих оппонентов. Старые идеи уступают новым таким образом, что носители старого умирают, а новое поколение воспитывается в новых идеях, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся. В этом стоит усматривать не упрямство именитых «старичков», поскольку этому «недугу» подвержены и молодые. Здесь необходимо смотреть вглубь. А если уж совсем конкретно, то в глубь мозга.

Типичность взглядов на многие вопросы уголовного права и его веса во влиянии на преступность можно объяснить вышеуказанным замечанием М. Планка. Но беда в том, что в уголовно-правовой доктрине, как и в парадигме уголовного права, мало по-настоящему нового. Конечно же, в этой ситуации повинно отсутствие эмпирической верификации роли права в общественной жизни. Но не последнее значение в этом приобретают и природные инстинкты. Природа наделила человека осторожностью ко всему неизвестному, новому. Это помогало многим поколениям выживать, ведь неизвестная пища могла содержать в себе токсины, опасные для жизни. И сейчас многие виды млекопитающих решаются съесть неизвестную пищу только после того, как увидят лакомящихся ею своих соплеменников. Очевидно, что подобная настороженность к новым идеям является биологическим наследием этого инстинкта. Действительно, одни новые идеи могут быть полезными и прогрессивными, и в итоге привести к благу. Другие же, наоборот, имеют внешнюю привлекательность, как красные ягоды, но могут повлечь зло великое.

Существование многовариантности в доктрине — осязаемое влияние механизма работы головного мозга человека. И настороженное восприятие нового, и преклонение перед традицией — все это составляющие «Её Величества» уголовно-правовой доктрины. Но природа сложнее, чем её тут можно представить. По мере удаления от академического клуба, до уровня применения права на практике, стает очевиднее отчужденность книжного права от его понимания практиками. Это извечная ситуация, и причина её кроется не в злобности представителей академической науки или практики, а в том, что многовариантность и ориентированное толкование в духе комбинаторики и закономерностей теории вероятности приводит к тем результатам, которые мы можем наблюдать.

Желание увидеть маленький Уголовный кодекс или небольшой набор инкорпорированных уголовно-правовых нормативных актов — такое же благородное, как чаяния, высказанные Ч. Беккария 250

лет назад. От этого они воспринимаются, как вполне разумные и убедительные. Но беда в том, что это желание вступает в прямой и беспощадный конфликт с очевидным законом всё большей дифференциации общественной жизни, проявляющейся, в частности, и во всё большей дифференциации законодательства, всё большим разрастанием ткани уголовно-правовых норм до пределов, которые вполне можно назвать пугающими. Несколько человек или даже более или менее большая группа единомышленников может справиться с этой всеобщей тенденцией, сказав ей нет, понимая её вздорность и неконструктивность. Но эта реакция напоминает то, как отдельный человек или группа людей могут противостоять своим инстинктам, на что человечество в целом или крупные институциональные образования не способны.

Всё это будет нас дальше отодвигать от способности прогнозировать ситуацию и оценивать реальные возможности правовой системы. Отдельные учёные все же способны искать ответы на тяжелейшие вопросы жизни индивида и общества, тем самым создавая основу для продвижения в будущем всей академической машины. Это возможно только вследствие выхода из царства умозрительности и замкнутости уголовно-правовой доктрины.

Сегодня простые стандарты, предложенные Ч. Беккариа, могут вызвать у многих чувство огорчения из-за того, что за более чем 200 лет человечество так и не смогло практически приблизиться к этим стандартам. Но, вероятно, это произошло не потому, что мы оказались не достойными нашего великого предка. Очевидно, что гений прошлого не смог оценить по достоинству природу человека, наделив его безграничной мудростью и простотой до такой степени, что смог быть вполне уверенным в силе законов изменить природу человека и ещё целый ряд законов Вселенной. Его идея о простоте и доступности законов не смогла противостоять всем сложностям и противоречиям институциональных систем. Его идеи просто не смогли ещё в то время постичь все сложности устройства головного мозга, и в его распоряжении не было открытых биологических законов социальной жизни. Современные же знания в этой сфере приближают нас к разгадкам. Нам стоит изо всех сил тянуться к ним, оставляя позади тяжелое наследие умозрительных паттернов, в которых слова доказывают слова.

Во всём этом нелегком пути, который нам предстоит пройти, оглядываясь назад, на жизнь и творчество Ч. Беккариа, нам нельзя забывать о том, что его произведение появилось на свет и заставило зачитываться им многие поколения правоведов благодаря пытливому

уму досліджувача. Он з пытливостю юношы смотрыў на свет і яго загадкі, што пазваляло яму нерэдка замечать тое, што было невдомёк яго сучаснікам. Найлучшым чэстваваннем памяці гэтага мыслітэля, як прадстаўляецца, было бы тое, што мы змогли бы преподнести падарок памяці о нём, к 300-летію яго трактата, поўнае разуменьне таго, какова же дзействуйная роля прававых сродстваў уздзеяння на паводзіны чалавека і становішча праступнасці. Дажэ калі гэтыя рэзультаты і заставяць нас пераосмыслиць іх традыцыйны ваг.

Знаючы рэальныя магчымасці ўголовных законаў, мы тым самым зможэм дэлаць не умозрытэльныя вывады ў крміналагічэскім плане, а значыць, імянно тачныя, преймушчэствэнна выражэнныя матэматычэскія знаўня змогуць снабдыць палезным інструментарыем крміналагію, а не ўгавольна-прававая доктрына, пака што лішэнная гэтых спавобнасцей.

Літэратура

1. Беккарыа Ч. О праступлєнях і наказынях (Біаграфічэскі ачэрк і перавод кншы Беккарыа «О праступлєнях і наказынях», проф. М. М. Ісавэа) / Чэзарэ Беккарыа. — М. : Юрыд. ізд-во НКЮ СССР, 1939. — 465 с.
2. Нуссєцвєйг Х. М. Тэорыя радугі / Хєтч Мозєс Нуссєцвєйг // Успєхы фізычэскіх наук. — 1978. — Том 125. Вып. 3. — С. 527—547.
3. Савєльєв С. В. Ізмєнчывость і гєнныальность [Тєкст] / Сєргєй Вячєславовыч Савєльєв. — М. : ВЕДІ, 2012. — 128 с.

Галына Пєтрівна ЖАРОВСЬКА,

канд. юрыд. наук, доцєнт, доцєнт кафедры крмінального права і крміналістыкы юрыдычного факультєту Чєрнівєцького нацїонального унївєрсытєту ім. Ю. Фєдьковыча

КОНЦЄПТУАЛЬНІ ЗАСАДЫ БОРОТЬБИ З ТЕРОРІЗМОМ ЯК ПРОЯВ ДІЯЛЬНОСТІ ТРАНСНАЦІОНАЛЬНОЇ ОРГАНІЗОВАНОЇ ЗЛОЧИННОСТІ В УКРАЇНІ

Актуальність тємы. У новітній україньскій історії мабуць нємає більш трагічного епізоду, нїж сучасний етап розвитку державы, яка стыкнулася із прямую, непрыхованую агресією транснацїональных злочынных організаций, що взялы на озброєння тактыку тєрору. Про особлыву небєзпєчність даного вуду злочыну свідчыть його вызначєння у Законі Україні «Про боротьбу з тєрорызмом», в якому цє явыщє тлумачыцца як суспільно небєзпєчна діяльність, що полягає